

День новых цен. Кризис снабжения и российское общество на рубеже 1980—1990-х гг.

Олег Хлевнюк

The day when the new prices came.
The supply crisis and Russian society at the turn of the 1990s

Oleg Khlevniuk

(National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870004492-2

Ничто не оказывает столь значительного влияния на общественные настроения, как трудности (реальные или ожидаемые) снабжения продовольствием и другими товарами повседневного спроса. Хлебные волнения в Петрограде в 1917 г. открыли дорогу двум революциям и Гражданской войне. Массовые восстания начала 1920-х гг. принудили большевиков к нэпу. Новочеркасские события немало способствовали падению Н.С. Хрущёва. Страх перед социальным недовольством заставлял брежневское руководство закупать продовольствие на Западе и поддерживать на стабильном уровне цены. Кризис снабжения на рубеже 1980—1990-х гг. был важным фактором демонтажа советской системы и движения по пути российского капитализма.

В литературе отражены различные аспекты этих событий. Макроэкономические подходы к проблеме преобладают в исследованиях по истории советской и российской экономики. Несмотря на разницу в оценках реформ, экономисты рассматривают кризис потребления как важнейший фактор перехода к рынку¹.

В годы перестройки впервые после долгого перерыва начали проводиться активные социологические исследования². Их результаты легли в основу историко-социологических работ, в которых также отмечается воздействие кризиса потребления на готовность общества к рыночным реформам³. Обобщающие обзоры массовых настроений дополняются более конкретными описаниями

© 2019 г. О.В. Хлевнюк

Статья подготовлена при поддержке Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина» в рамках проекта «Социальная история России (1990-е годы)», реализуемого в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики».

¹ Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991—1997 / Под ред. Е.Т. Гайдара. М., 1998; *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006; *Ханин Г.И.* Экономическая история России в новейшее время: Экономика СССР и РСФСР в 1988—1991 годах. Новосибирск, 2010.

² См. каталог результатов мониторинговых социологических исследований в 1990-х гг. на сайте проекта «1990-е: история великого поворота» (URL: <http://history90.ru/Soc/Mod90/Monitoring/index.html>).

³ *Duch R.M.* Tolerating Economic Reform: Popular Support for Transition to a Free Market in the Former Soviet Union // *The American Political Science Review*. 1993. Vol. 87(3). P. 590—608; *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1—2. М., 2000—2001.

антропологов и социологов, наблюдавших советскую и постсоветскую жизнь этого периода в различных регионах России⁴. В исторической литературе социально-экономические процессы рубежа 1980—1990-х гг. рассматриваются в публикациях по социальной истории, обобщающих курсах или работах по политической истории, остающейся приоритетным направлением историографии данного периода⁵. Исследователям ещё предстоит углубиться в российскую социальную проблематику последних десятилетий.

В данной статье кризис потребления рубежа 1980—1990-х гг. исследуется во взаимосвязи с массовыми настроениями и социально-политическими установками российского населения. Как нарастал кризис снабжения, какие формы он принимал; какими были ограниченно-реформаторские и традиционно-консервативные ответы на кризис; как под влиянием неудачных попыток преодоления кризиса формировалась относительная готовность общества к болезненным реформам; какой была общественная реакция на либерализацию цен в 1992 г. — эти вопросы анализируются в рамках нескольких проблемно-хронологических блоков. Они охватывают такие значимые события, как нарастание экономических трудностей на фоне демократических реформ, кампания борьбы со спекулянтами⁶, регулируемое государством повышение цен, критическая дезорганизация снабжения во второй половине 1991 г., опыт начального этапа либерализации цен. Главным предметом изучения являются общие тенденции массового потребления, повседневность преобладающего бедного населения СССР и России. Элитное потребление и образ жизни богатых слоёв российского общества требуют специального исследования. Несмотря на то что в статье используются данные о положении в различных областях и республиках России, региональная динамика кризиса специально не рассматривается⁷.

Изучать поставленные вопросы позволяет значительный комплекс источников. Период перестройки и постсоветского развития отмечен наличием большого количества статистических материалов и данных социологических опросов. Широкий круг реальных проблем без оглядки на цензуру поднимала растущая российская периодическая печать. Наконец, важно отметить, что, несмотря на незначительную хронологическую отдалённость, исследователям доступны многие архивные фонды 1990-х гг. В данной статье использовались документы правительств Российской Федерации и СССР, Съезда народных депутатов, Верховного Совета и Министерства экономики Российской Федерации⁸.

⁴ *Piirainen T.* Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures an Everyday Life. Dartmouth, 1997; *Humphrey C.* The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economies after Socialism. Ithaca; L., 2002; *Shevchenko O.* Crisis and the Everyday in Postsocialist Moscow. Bloomington; Indianapolis, 2009.

⁵ *Полынов М.Ф.* Российские рабочие во второй половине 80-х — первой половине 90-х годов. Проблемы и тенденции социального развития (на материалах Санкт-Петербурга и Ленинградской области). СПб., 1998; *Kotkin S.* Armageddon Averted: the Soviet Collapse, 1970—2000. Oxford; N.Y., 2001; *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий. 1985—2005. М., 2007; *Пихоя Р.Г., Журавлёв С.В., Соколов А.К.* История современной России. Десятилетие либеральных реформ: 1991—1999 гг. М., 2011.

⁶ Понятие «спекулянты» употребляется в данной статье в конкретно-историческом значении как характеристика агентов «теневой» экономики, получавших доходы в результате нелегальной перепродажи дотируемых товаров из государственной торговли по повышенным ценам.

⁷ *Зубаревич Н.В.* Кризисы в постсоветской России: Региональная проекция // Региональные исследования. 2015. № 1(47). С. 23—31.

⁸ ГА РФ, ф. Р-5446, Р-10216, Р-10026, Р-10200, Р-10128, Р-10007.

Свобода без товаров. Перестройка и экономические трудности

Есть основания связывать (хотя и не полностью) нараставший в конце 1980-х гг. кризис потребления с реформами М.С. Горбачёва. СССР и в свои лучшие времена не обладал эффективным сельским хозяйством и лёгкой промышленностью, испытывал хронический дефицит товаров, особенно качественных. Лишь на какое-то время обострение кризиса отсрочили высокие цены на нефть в 1970-х — начале 1980-х гг., благодаря которым удавалось ввозить зерно и товары массового потребления за валюту. В 1984 г., например, импортное зерно составляло 42,1% хлебофуражных ресурсов СССР⁹. Результатом нехватки товаров при сдерживании роста цен стал опережающий рост доходов населения по сравнению с ростом товарооборота. В течение многих лет накапливалась масса необеспеченных товарами и услугами вынужденных сбережений, которые рассчитывались как разница между общими и нормальными сбережениями населения (см. табл. 1).

Таблица 1

Вынужденные сбережения населения СССР (неудовлетворённый спрос)

Годы	Вынужденные сбережения	
	млрд руб.	% к розничному товарообороту за данный год
1970	17,5	11,3
1984	47,6	15,0
1985	60,9	18,8
1986	72,4	21,8
1987	85,1	24,9
1988	118,7	32,4
1989	182,9	45,2
1990	238,0	50,8

Составлено по: ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 163, д. 1049, л. 98, 100; Народное хозяйство СССР в 1984 г. Статистический ежегодник. М., 1985. С. 453; Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 457; Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 6.

Эти накопления оказались миной замедленного действия. В более спокойные периоды они провоцировали дефицит, ажиотажный спрос, вялотекущую инфляцию в государственной торговле и более заметный рост цен на так называемых колхозных рынках, а также в «теневом» секторе. Однако в определённый момент, предъявленные одновременно, они были способны обрушить экономику, что и наблюдалось на последнем этапе перестройки.

Однако пока этого не произошло, система снабжения за многие годы стабилизировалась и обеспечивала определённый уровень достатка, более высокого в некоторых регионах, прежде всего в Москве. Достаточно широко распростра-

⁹ Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть... С. 90.

нилось нормированное распределение — талоны, заказы, закрытые магазины и буфеты. Важную роль в обеспечении потребностей миллионов людей, в первую очередь в деревне, играло натуральное хозяйство. Советская торговля (распределение) являлась неэффективной, коррумпированной и заставляла граждан страны проводить многие часы в очередях за скудным набором продуктов и промышленных товаров. Вместе с тем она была привычной и предсказуемой, поскольку жёстко регулировалась государством. Мало кто осознавал растущую угрозу неудовлетворённого спроса. Вклады в сберкассах на фоне относительно стабильных цен рассматривались как условие поддержания привычного уровня жизни после выхода на пенсию, а развитие страны представлялось большинству как гарантированное, хотя и раздражающе медленное движение к лучшему.

Первоначальная поддержка политики Горбачёва в значительной степени определялась надеждами на рост материального благополучия. В первые годы перестройки ситуация действительно немного улучшилась. Например, постепенно росли показатели потребления основных продуктов питания (см. табл. 2), что в значительной мере было вызвано хорошими урожаями 1986 и 1987 гг.¹⁰

Однако этот уровень потребления даже в лучшие годы был недостаточным и несбалансированным. Советские граждане могли позволить себе намного меньше мяса, чем жители развитых западных стран. Они тратили на питание значительную часть бюджета. Одежда, обувь и предметы длительного пользования стоили очень дорого. Сравнительно качественные промышленные товары оставались доступны немногим¹¹. Подавляющее большинство населения зависело от бюджетных выплат и вполне справедливо полагало, что ключевой частью «общественного договора» с государством являлось поддержание на сравнительно низком уровне цен на товары и услуги. Однако соблюдать это условие было всё сложнее.

Ухудшение ситуации в конце 1980-х гг. определялось несколькими факторами. Падение цен на нефть не позволяло рассчитывать на закупки импортного продовольствия и товаров в прежних масштабах¹². Не всегда продуманные с экономической точки зрения преобразования (наиболее яркий пример — борьба с потреблением спиртного) подрывали бюджет¹³. Политические и экономические реформы разрушали старую экономическую систему, но по разным причинам медленно создавали новую. Надежды на активизацию производительности труда за счёт расширения самостоятельности государственных предприятий, а также на наполнение рынка при помощи кооперативов не оправдались. В результате этих и других реформ выросли необеспеченные доходы населения (см. табл. 1). Началась фактическая дезинтеграция союзного государства, сопровождавшаяся разрывом хозяйственных связей. Падало производство. В условиях политической нестабильности и непредсказуемости менялось поведение массового потребителя, стремившегося избавиться, по крайней мере, от части сбережений.

¹⁰ Гайдар Е.Т. Гибель империи... С. 219.

¹¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и обретения... С. 126—128.

¹² Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть... С. 384.

¹³ Гайдар Е.Т. Гибель империи... С. 233—240.

**Потребление в РСФСР/Российской Федерации
(в год на человека, кг)**

Продукты	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992
Мясо и мясопродукты (без сала и субпродуктов; в пересчёте на мясо)	57	62	63	66	67	69	69	63	55
Молоко и молочные продукты (в пересчёте на молоко)	328	344	356	363	385	396	386	347	281
Рыба и рыбопродукты	22,5	22,5	23,2	22,5	22,0	21,3	20,3	15,8	12,3
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчёте на муку; мука, крупа и бобовые)	126	119	119	118	117	115	119	120	125
Картофель	118	109	113	115	107	104	106	112	118
Овощи и бахчевые	94	98	97	95	97	93	89	86	77

Составлено по: Социальное положение и уровень жизни населения СССР. М., 1998. С. 407—411; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 169.

Старые хронические проблемы, сочетаясь с новыми, усиливали кризис, самым наглядным выражением которого стали пустые полки магазинов. Анкета «Литературной газеты», опубликованная 1 февраля 1989 г. и вызвавшая 190 тыс. ответов, показала, что дефицит продовольствия и промышленных товаров являлись приоритетными проблемами в жизни советских граждан. Об этом заявили соответственно 66 и 88% из числа тех, кто заполнил анкеты¹⁴. Жалобы на отсутствие товаров и дороговизну были одной из основных тем писем, направляемых высшему руководству страны¹⁵.

Дезорганизация централизованного снабжения и система двойных цен — регулируемых в государственной торговле и свободных на рынке, в кооперативах и «теневой» сфере — способствовали распространению самого простого способа получения быстрых и больших денег при помощи перепродажи товаров из государственных фондов. Эта деятельность, известная как спекуляция, приобрела огромные масштабы. Проведённые в январе—июне 1989 г. бюджетные обследования 90 тыс. семей показали, что почти половина из них в той или иной мере приобретали товары нелегальными способами, в том числе с переплатой продавцам государственных магазинов, либо у отдельных граждан, занимавшихся перепродажами. Две трети семей сталкивались со спекуляцией¹⁶. Всё это вызывало массовое недовольство.

Привыкшее к государственной торговле и сравнительно стабильным ценам население страны требовало сохранить и то, и другое, но при этом преодолеть дефицит. Как свидетельствовали исследования ВЦИОМ в 1988—1989 гг., на вопрос: «Что убедит людей, что в стране происходят реальные положительные

¹⁴ Литературная газета. 1989. 29 марта.

¹⁵ Известия ЦК КПСС. 1989. № 11. С. 126—141.

¹⁶ Сборник статистических материалов. 1990. М., 1991. С. 122—123.

сдвиги?» две верхние позиции занимали ответы: «прилавки, полные продуктов» (52% опрошенных в 1988 г. и 65% — в 1989 г.) и «устойчивость цен» (соответственно 47 и 43%)¹⁷.

Однако те же исследования демонстрировали растущее осознание необходимости изменений, в частности реформы цен, без которой невозможно было добиться преодоления изматывавшего дефицита. Если в декабре 1988 г. против повышения розничных цен высказывалось большинство опрошенных ВЦИОМ, то в октябре 1989 г. — 25%. На реформу цен были согласны 38% опрошенных, и примерно столько же не определились по этому вопросу. Вместе с тем эта реформа абсолютным большинством (84%) рассматривалась как процесс, регулируемый государством. За освобождение рынка от государственного контроля и определение цен на основе соотношения спроса и предложения выступали только 6% участников опроса¹⁸.

Альтернативой экономическим мерам стимулирования рынка выступали надежды на карточное снабжение, которым в конце 1989 г. уже пользовалось 40% граждан, опрошенных ВЦИОМ¹⁹. За организацию продажи товаров по карточкам в случае дефицита высказывались в конце 1989 г. 60% опрошенных, за повышение цен на такие товары — 6%²⁰.

Борьба со спекуляцией и надежды на карточное распределение

Вполне осознавая угрозу массового недовольства ростом цен, правительство следовало за преобладавшими настроениями. Цены на основные товары оставались неизменными, хотя сами товары пропадали из магазинов. Распространялась карточная система. В конце 1989 г. руководство страны решилось повысить цены на ювелирные изделия, что было привычно и не затрагивало интересов большинства. Как и следовало ожидать, продажи ювелирных изделий после этого только возросли, а очереди за ними не исчезли²¹.

Не имея возможности решить проблемы потребительского рынка за счёт наращивания производства и освобождения цен, руководство страны периодически проводило административные кампании в торговле. В конце 1988 г. многочисленные группы общественного контроля под руководством профсоюзов и Комитета народного контроля проверяли магазины и предприятия сферы услуг, выявляли на складах сокрытые от покупателей дефицитные товары²².

27 февраля 1990 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял указ «Об усилении ответственности за злоупотребления в торговле и спекуляцию», который предусматривал жёсткие санкции в отношении работников торговли за махинации и спекулянтов, перепродававших товары «с целью наживы»²³.

Как обычно, принятие нового карательного акта вызвало соответствующую кампанию. По отчётам с мест весной 1990 г. активизировались проверки торговых организаций силами государственных органов и общественных активистов. В конце апреля в Московской обл. количество направленных в суды уголовных дел по спекуляции в 2,7 раза превысило соответствующие показатели

¹⁷ Мониторинг общественного мнения. 1993. № 6. С. 25.

¹⁸ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 162, д. 2, л. 244.

¹⁹ Там же.

²⁰ Космарский В.Л., Хахулина Л.А., Шпилько С.П. Общественное мнение о переходе к рыночной экономике. Научный доклад. М., 1991. С. 17.

²¹ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 162, д. 277, л. 3—5.

²² Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 74—80; № 2. С. 69—70.

²³ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1990. № 10. Ст. 287.

предыдущего года. В Куйбышевской обл. в 2,5 раза стали больше привлекать к ответственности за мелкую спекуляцию. В такой же пропорции увеличились уголовные преследования за нарушения правил торговли и сокрытие товаров в Свердловской обл. В Москве в марте—апреле количество дел по спекуляции в крупных и особо крупных размерах возросло в 6 раз по сравнению с аналогичным периодом 1989 г. и т.д.²⁴ В целом по СССР в первом полугодии 1990 г. число лиц, привлечённых к ответственности за спекулятивные сделки в крупных и особо крупных масштабах, увеличилось почти вдвое²⁵.

В преамбуле указа о спекуляции отмечалось, что он был принят, «учитывая многочисленные обращения граждан и общественных организаций». Эта традиционная для советского законодательства формула в данном случае содержала значительную долю истины. Указ встретили в штыки прежде всего работники торговли, «засыпавшие» правительство гневными резолюциями собраний трудовых коллективов и индивидуальными письмами и телеграммами²⁶. Однако письма покупателей имели, как правило, иной характер. Люди выступали в поддержку указа и требовали суровых наказаний работников торговли, в которых видели виновников кризиса снабжения²⁷.

Вместе с тем эти обличающие письма не отражали сложного отношения к проблемам торговли и спекуляции в обществе. Весной 1990 г. было проведено исследование настроений жителей и милицейских работников в Москве и Ленинграде, результаты которого получило руководство РСФСР²⁸. Как и следовало ожидать, большинство опрошенных отметили значительный рост спекуляции. Они полагали, что перепродажа товаров стимулирует преступность, усиливает имущественное расслоение (что пока ещё считалось недопустимым) и порождает озлобленность и агрессивность в обществе. Эти респонденты возлагали ответственность за спекуляцию на работников торговли и требовали их строгого наказания. Иначе обстояло дело с оценкой потенциальной эффективности кампании. Только 30% опрошенных полагали, что ужесточение наказаний — единственный путь ликвидации спекуляции, а около 40% — что одних репрессий будет недостаточно. До 30% участников опроса фактически не поддерживали кампанию. Они считали, что спекуляция решает проблемы дефицита и является компенсирующим фактором изъянов советской экономики. Такое мнение разделяла в большинстве молодёжь в возрасте от 21 до 30 лет, прежде всего студенчество. Важным итогом опроса стала информация о степени реального использования гражданами чёрного рынка. До 80% респондентов признались, что переплачивали за товары и услуги, 65% выразили готовность делать это и в дальнейшем²⁹.

Критики ужесточения репрессивных мер, как и следовало ожидать, оказались правы. Облавы против спекулянтов и проверки торговли не помогли заполнить прилавки. Принудительные сбережения достигли в 1990 г. рекордных

²⁴ ГА РФ, ф. Р-10026, оп. 5, д. 1023, л. 6, 7, 32, 74.

²⁵ Там же, ф. Р-5446, оп. 162, д. 2, л. 53.

²⁶ Там же, ф. Р-10026, оп. 5, д. 1024, л. 1—17, 59—61.

²⁷ Там же, л. 68—71, 124—125, 127, 134, 136—138.

²⁸ Там же, оп. 1, д. 2307, л. 131—134.

²⁹ Такие настроения имели устойчивый характер и фиксировались в других опросах (Сидоров В. В., Смирнов Г. Г. Товарный дефицит и его криминогенные последствия // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 101—106; Латын Н. И. Тяжёлая година России // Мир России. 1992. Т. 1. № 1. С. 13; Беляева Л. А. Российское общество в преддверии рынка: тревоги, ожидания, надежды // Мир России. 1992. Т. 1. № 1. С. 63).

значений (см. табл. 1). Недостаток товаров и ажиотажный спрос усиливали дефицит самого необходимого. Талоны вводились даже на муку и хлебобулочные изделия. С трудом отоваривались талоны на сахар. Особо социально опасным стал табачный кризис 1990 г. Нормирование табачных изделий не спасло положение. Цены на чёрном рынке превысили цены в государственной торговле в 5—10 раз. В магазины выстраивались огромные очереди. На этой почве возникали различные эксцессы. В первые три недели августа в Москве наблюдались, как говорилось в официальных документах, «около ста актов демонстративного нарушения общественного порядка». Аналогичным было положение в других городах и населённых пунктах³⁰. 30 июля 1990 г. житель Казани записал в дневнике: «Видел “табачный бунт”. На перекрёстке... стоит киоск, в котором продают сигареты. Сегодня сигарет почему-то не привезли, а очередь, как обычно, люди занимали уже с раннего утра и прождали там часов до четырёх. В конце концов терпение лопнуло и они, чтобы привлечь к себе внимание начальства, вышли на проезжую часть и перекрыли движение... Приехала милиция, долго упрашивала толпу разойтись, но безуспешно»³¹.

Вполне осознавая необходимость изменения ценовой политики, власти не решились пойти на этот шаг по политическим причинам. 1990-й был последним годом, когда государство пыталось сдерживать цены. Однако, несмотря на контроль, они всё равно росли. Часть из них — в кооперативах и на рынках — практически не регулировалась. Но даже в государственной торговле распространялись повышенные, так называемые договорные цены. В конце 1990 г. власти решились на широкомасштабное централизованное повышение цен на товары, не имевшие, как считалось, особого значения в жизни большинства населения страны. Согласно постановлению Совета министров СССР от 12 ноября 1990 г., вводились повышенные договорные розничные цены на деликатесы, предметы роскоши, высококачественные товары отечественного и импортного производства.

Система карточного снабжения по низким ценам всё больше превращалась в резервацию, в которую попадали простейшие и не всегда качественные товары. Но даже их распределение обеспечивалось плохо. Города и области «отгораживались» от соседей, продавая товары только своим. Карточки выдавались в неудобное время³². Нормы становились всё меньше, а талоны отоваривались всё хуже и в растущих очередях. Из продажи исчезали предметы повседневной необходимости. Положение обострял ажиотажный спрос.

Неблагоприятный опыт 1990 г. способствовал распространению консервативных настроений в пользу совершенствования (по справедливости) карточной системы и низких контролируемых цен. Для небогатого населения это был самый понятный способ поддержания сколько-нибудь приемлемого уровня жизни. Отражавшие такие устремления социально-экономические проекты нередко фигурировали в переписке представителей высших органов власти. С.А. Серов из Сургута, писавший в мае 1990 г. одному из народных депутатов РСФСР, имел вместе с женой средний доход 400 руб. в месяц. Его сбережения в сберкассе составляли 6 тыс. руб., однако в семье не было ни автомобиля, ни дачного участка. Несмотря на наличие денежных средств, Серов испытывал

³⁰ Известия ЦК КПСС. 1990. № 10. С. 17.

³¹ URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221990-01-01%22&diaries=%5B351%5D>.

³² Якунов Р.А. Торговый сектор и решение проблем потребления в Среднем Поволжье в конце 1980-х — начале 1990-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 6.

затруднения и беспокойство за будущее. Он сообщал, что в последний год приобретал все продукты питания только по государственным ценам (нефтяные районы страны снабжались относительно неплохо), следовательно, не прибегал к услугам коммерческой торговли. Кроме того, он смог купить необходимые мелкие предметы одежды и стиральную машину за 70 руб. по государственным фиксированным ценам. 800 руб. были потрачены на отпуск для двоих (вероятно, отпуск на юге, что было сопряжено с немалыми транспортными расходами). В тот «экспериментальный» (как называл его Серов) год экономного существования он практически не употреблял спиртного и не помогал детям, жившим отдельно.

Предложения Серова, осознававшего, как быстро сократились его реальные доходы и сбережения, имели ярко выраженный антирыночный характер. Ссылаясь на низкий моральный облик «деловых людей», готовых грабить страну и вывозить ресурсы за границу, Серов представил на обсуждение следующее: «ликвидировать все привилегии олигархии»; провести денежную реформу на основании деклараций о доходах; упразднить до реформы торгово-закупочные кооперативы; на два года ввести карточную систему без повышения цен, а с 1 января 1991 г. — «закон о всенародной борьбе с теневой экономикой»³³.

Новый импульс в условиях кризиса получили уравнилельные настроения. Кампания борьбы с привилегиями чиновников партийно-государственного аппарата дополнилась не менее ревнивым отношением к территориальному неравенству, прежде всего к привилегированному положению столицы. Большое недовольство вызывало решение московских властей ввести с конца мая 1990 г. продажу товаров только москвичам при предъявлении паспорта. А. Рогов из Тульской обл. писал одному из народных депутатов РСФСР: «Москва отделилась от нас одним махом... Что такое продукты только для москвичей, когда в неё забирают всё с нашей земли, с наших городов? Это прямой вызов всему народу». В заключение Рогов не без угрозы замечал: «А может, нам избрать новую столицу: Свердловск, Новосибирск, Куйбышев?»³⁴. Аналогичное заявление направили Съезду народных депутатов руководители города и ряда предприятий Новокуйбышевска Куйбышевской обл.: «Фактически 138 млн россиян отнесены к людям второго сорта. Многие жители Куйбышевской области и других регионов страны вынуждены систематически ездить в Москву за покупками. Фактически столица из исторического и культурного центра, символа русской государственности превратилась в большой универсальный магазин». В письме предлагалось поступающие в Москву сверх среднероссийской нормы продукты направлять на нужды территорий, находившихся в зоне экологического кризиса, а распределение промышленных товаров производить в расчёте на душу населения РСФСР³⁵.

В общем, значительная часть советских граждан выступала в условиях кризиса за справедливую карточную систему. Как писали председателю Верховного Совета РСФСР Б.Н. Ельцину в январе 1991 г. работники подмосковного Лобненского электромеханического завода, «страна переходит на нормированное распределение продуктов... Мы не требуем для себя тепличных условий... но некоторой элементарной справедливости мы желаем добиться»³⁶.

³³ ГА РФ, ф. Р-10007, оп. 1, д. 268, л. 11—13.

³⁴ Там же, л. 16.

³⁵ Там же, д. 2412, л. 136—137.

³⁶ Там же, л. 174—175.

Вместе с тем, осознавая невозможность сохранения низких цен и ненадёжность распределения по карточкам, часть населения СССР выступала за совмещение рынка и государственного регулирования. Характерным примером может служить письмо А.С. Смертина в адрес Съезда народных депутатов РСФСР в мае 1990 г. Автор, член КПСС, пенсионер из Краснодарского края, принадлежал к тем слоям российского общества, которые чувствовали себя относительно уверенно, поскольку обладали определённой собственностью. Пенсионер объяснил это так: «Я сам почему-то не очень боюсь перехода к рынку, живя в собственном доме и имея участок земли». Полагая, что повышение цен неизбежно, Смертин осознавал, что это будет сильным ударом для огромного неимущего большинства, «тех, для кого покупка резиновых калош является ценным приобретением». Выход из положения Смертин видел в разделении потребительских ресурсов на две категории. Простые продукты и промышленные товары (маргарин, растительное масло, хлеб из муки второго сорта, рыба малоценных пород, карамель, чёрно-белые телевизоры, простые стиральные машины и холодильники) должны были продаваться по фиксированным низким ценам, более качественные товары (мясо, сыр, масло, шоколад, кофе, импортные товары, автомобили, цветные телевизоры, ювелирные изделия) — по рыночным³⁷.

О преобладавших распределительных настроениях свидетельствовали также данные социологических исследований. В декабре 1990 г. на вопрос, что делать, если товар становится дефицитным, повысить на него цену предлагали 10% жителей РСФСР, а организовать продажу по карточкам и талонам — 67%³⁸. Однако надежды на движение к рынку под государственным контролем и при сохранении сравнительно стабильных цен подверглись новым испытаниям в 1991 г.

Рост цен как вынужденная неизбежность

Карточная система лишь отчасти облегчала положение значительной части населения страны. К началу 1991 г. активное наращивание денежной массы сопровождалось дальнейшим оскудением товарных фондов из-за падения производства, снижения закупок по импорту и в результате ажиотажного спроса. В начале года вновь обострился дефицит моющих средств и гигиенических товаров, стиральных порошков, мыла, зубной пасты³⁹. Показательным было положение в витрине СССР — Москве. Как сообщал в союзное правительство в феврале 1991 г. председатель столичного горисполкома, фонды московской торговли по непродовольственным товарам в это время составляли чуть больше 40% уровня предыдущего года, «из продажи исчезли чулочно-носочные изделия, бельё, мужские костюмы, брюки, сорочки, постельное бельё, кремы различного назначения, моющие средства и многие другие, т.е. товары, торговля которыми до последнего времени осуществлялась относительно стабильно»⁴⁰.

Положение в других районах страны оказалось намного хуже. В декабре 1990 г. власти Нижнего Новгорода жаловались Президенту СССР Горбачёву на отсутствие продовольствия. В государственной торговле в этом крупнейшем

³⁷ Там же, д. 268, л. 4—5.

³⁸ Космарский В.Л., Хахулина Л.А., Шпилько С.П. Общественное мнение... С. 18.

³⁹ По сообщению министра торговли СССР в правительство, фонды были ниже уровня 1990 г. по туалетному мылу на 40%, по зубной пасте — на 30% и т.д. (ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 163, д. 1049, л. 32).

⁴⁰ Там же, л. 35.

промышленном центре не было никаких продуктов, кроме тех, что отпускались по карточкам. В результате на человека в месяц полагалось 1,5 кг мясoproдуктов, 300 г масла животного и 250 — растительного, 300 г макарон, 1,5 кг сахара, пять яиц, 400 г кондитерских изделий. Но и по этим нормам существовала задолженность⁴¹. Во Владимирской обл. в начале 1991 г. месячная норма по мясу составляла 0,5 кг, по маслу — 200 г. В Тульской обл. показатель по мясу был чуть выше — 800 г. Однако талоны отоваривались в рабочее время и не всегда в установленном объёме⁴².

В общем, страна стояла в очередях, часто с малой вероятностью получить простейшие товары. Люди были озлоблены. В декабре 1990 г. руководители профсоюзов работников торговли жаловались Горбачёву: «Из различных регионов страны поступают сообщения о погромах магазинов, уничтожении и порче торгового оборудования, избиениях продавцов»⁴³.

В связи с явным развалом карточной системы значительную часть необходимых продуктов и промышленных товаров люди вынуждены были приобретать по повышенным ценам. В первом квартале 1991 г. почти весь прирост товарооборота достигался за счёт неконтролируемого роста цен при спаде производства и сохранении дефицита⁴⁴.

В таких условиях власти решились на применение не только административно-распределительных, но и экономических методов стимулирования рынка. В начале 1991 г. был проведён обмен 50- и 100-рублёвых купюр с расчётом реквизировать часть средств у определённых групп населения и уменьшить денежную массу. Как показал опрос ВЦИОМ 30 января 1991 г. в 14 городах России, у идеи обмена крупных купюр имелось больше сторонников, чем противников. Однако многие считали, что удар был нанесён, скорее, по честным гражданам, чем по дельцам теневой экономики⁴⁵. Вызывал недовольство также способ осуществления этой акции. Работники производственного объединения «Прогресс» Тверской обл. жаловались Горбачёву, что, получив накануне аванс в крупных купюрах, они в течение более чем десяти дней не могли их поменять и остались без средств. Это остановило работу предприятия⁴⁶.

После обмена купюр с 2 апреля 1991 г. были повышены розничные цены в среднем в два раза (на 90%). Но цены на наиболее востребованные товары выросли больше: мясо и птица — в 2,6 раза, колбасные изделия — в 3,1, а хлебобулочные изделия — в 3 раза⁴⁷. Эта мера сказалась на насыщении прилавков в основном в крупных городах (прежде всего в Москве), которые снабжались по повышенным нормам⁴⁸. Следствием централизованного повышения цен стали недолговременное снятие ажиотажного спроса и уменьшение покупок. При росте цен в два раза товарооборот в апреле, по сравнению с мартом, увеличился

⁴¹ Там же, д. 1047, л. 12—13.

⁴² Там же, ф. Р-10026, оп. 1, д. 2412, л. 206.

⁴³ Там же, ф. Р-5446, оп. 163, д. 1046, л. 43.

⁴⁴ Там же, ф. Р-10026, оп. 5, д. 1196, л. 20.

⁴⁵ *Космарский В.Л., Хахулина Л.А., Шпилюк С.П.* Общественное мнение... С. 25.

⁴⁶ ГА РФ, ф. Р-5446, оп. 163, д. 1046, л. 39.

⁴⁷ *Гайдар Е.Т.* Гибель империи... С. 362, 363.

⁴⁸ В январе—феврале 1991 г., незадолго до повышения цен, в Москву было поставлено из государственных ресурсов 225,3 тыс. т мяса и 20,5 т масла, в то время как по Московской обл. эти показатели составляли всего 21,3 и 3 тыс. т. Заметным был также разрыв по поставкам промышленных товаров. Так, кожаной обуви в Москву направили 8 млн пар, а в Московскую обл. — 1,5 млн (ГА РФ, ф. Р-10200, оп. 4, д. 1619, л. 5, 6).

всего на 37%⁴⁹. Это была обычная реакция потребителей на повышение цен. В первое время после их резкого роста люди предпочитали воздерживаться от покупок. Сокращение приобретения новых товаров компенсировалось использованием запасов. По данным Госкомстата СССР, запасы продуктов питания обеспечили в апреле—июне 1991 г. треть потребления семей. Вместе с тем снижения спроса явилось также результатом сокращения потребления большинства продуктов по сравнению с аналогичным периодом 1990 г.⁵⁰

Особенно заметным стало падение ажиотажного спроса на хлеб. Его продажи после повышения цен сократились на 20—30% по сравнению с мартом. Однако по другим товарным группам ситуация в большинстве районов страны не изменилась, поскольку ресурсов, как и прежде, было мало⁵¹. Основные продукты питания и после повышения цен продавались по карточкам. Многие промышленные товары остались дефицитными, а на импортные товары сохранился ажиотажный спрос⁵².

Дефицит товаров имел место отчасти потому, что повышение цен в апреле 1991 г. не смогло переломить тенденцию опережающего роста денежных доходов по отношению к товарной массе. Согласно плану реформы предполагалось, что общий уровень цен повысится на 311 млрд руб., а компенсационные выплаты составят 266 млрд руб. При таком сценарии давление излишних денег на рынок могло в какой-то мере ослабеть. В результате действия различных факторов рост цен к сентябрю 1991 г. составил 450 млрд руб. Однако одновременно союзное и республиканские правительства приняли новые решения о компенсациях, которые практически свели к нулю весь выигрыш от повышения цен. Более того, дополнительные решения о компенсациях по сберегательным вкладам значительно увеличили денежные доходы⁵³.

Рост выплат сопровождался сокращением наличных товарных ресурсов. В январе—октябре 1991 г. фонды мяса, мясных и молочных консервов уменьшились на 18—23%, колбасных изделий, животного масла и яиц — на 10—16%. Сокращался импорт⁵⁴. В таких условиях после четырёх месяцев относительного затишья на рынке, вызванного апрельским повышением цен, с августа 1991 г. обозначились нарастание ажиотажного спроса по всем товарам и значительный рост цен. «Дефицит и тотальный ажиотажный спрос опять захлестнули рынок», — сообщала газета «Коммерсантъ» в начале сентября, печально пошутив: «Хорошо, что еды негде купить, а то бы разорились»⁵⁵. Ажиотаж подстёгивали слухи о предстоящем новом замораживании 50- и 100-рублёвых купюр. Высказывались предположения, что такие слухи могли распускать государственные структуры с целью увеличения притока средств в Сбербанк⁵⁶.

После провала августовского путча 1991 г. и дальнейшего ослабления власти союзного центра большую роль играли намерения российского руководства провести реформы. В середине октября председатель Госбанка России заявил о готовности республики перейти на собственную валюту. 28 октября последовало заявление Президента России Ельцина о переходе на свободные цены с

⁴⁹ Там же, ф. Р-10026, оп. 5, д. 1196, л. 20.

⁵⁰ Аргументы и факты. 1992. 2 ноября.

⁵¹ ГА РФ, ф. Р-10026, оп. 5, д. 1196, л. 23.

⁵² Там же, ф. Р-5446, оп. 163, д. 192, л. 84—85.

⁵³ Там же, д. 41, л. 27.

⁵⁴ Там же, ф. Р-10026, оп. 5, д. 1196, л. 46.

⁵⁵ Коммерсантъ. 1991. 2 сентября.

⁵⁶ Там же. 1991. 5 августа.

начала 1992 г. Люди находились под влиянием различных слухов и предположений. Сторонники отпуска цен заявляли, что против реформы выступают только «бывшие управленцы, комиссары, просто люмпенизированное население, а также деятели из мафии»⁵⁷. Противники предрекали катастрофу. «Цены ни в коем случае нельзя “отпускать”». Уже сегодня мало кто может купить себе больше одной доски для гроба», — заявлял начинавший свою политическую карьеру руководитель Либерально-демократической партии В.В. Жириновский⁵⁸.

В любом случае, наиболее рациональными способами экономического поведения в преддверии реформы, как учил опыт нескольких лет, являлись избавление от сбережений и превращение их в товарные запасы.

В конце октября 1991 г. ситуация на потребительском рынке перешла, по некоторым определениям, в стадию «гиперажиотажа». Рост цен сопровождался исчезновением товаров за рубли даже из коммерческой торговли и соответствующим усилением долларизации. В ноябре продолжился значительный рост цен даже в регулируемой государственной торговле⁵⁹. Одновременно уже с привычным недостатком мясных и молочных продуктов усилился дефицит хлеба. Рост его потребления, как отмечалось в подготовленных для руководства страны документах, был вызван отсутствием других продуктов и доступностью дотируемых государством цен на хлеб для всех категорий населения, а также слухами о повышении цен и грядущей голодной зиме⁶⁰.

В октябре 1991 г. в Москве потребление хлеба возросло с 1,8—2 до 2,5 тыс. т в сутки. Аналогичные тенденции наблюдались в других крупных городах — Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Свердловске. Повсюду выстраивались очереди за хлебом⁶¹. Власти старались регулировать его продажу, следуя прежнему курсу. Осенью того же года в районных городах и сёлах 16 областей (Псковской, Свердловской, Пермской, Новгородской, Архангельской, Челябинской и др.) хлеб продавали по талонам из расчёта 400—600 г на человека в сутки. Там, где продажу не ограничивали талонами, вводились нормы отпуска в одни руки — один батон и одна буханка чёрного хлеба⁶². Однако перспективы хлебного рынка оставались неблагоприятными. В декабре 1991 г. государственные запасы зерна в РСФСР составляли около 9 млн т при среднем месячном потреблении 4,2 млн т. Таким образом, через два с половиной месяца запасы могли быть полностью исчерпаны. При этом колхозы и совхозы, согласно экспертным оценкам, располагали, в лучшем случае, 10 млн т зерна, а по некоторым оценкам и того меньше — 2—5 млн т. Это зерно придерживали для реализации по бартерным сделкам и через биржи — по более выгодным ценам⁶³.

Ощущения рядового потребителя того времени зафиксированы в дневнике москвички: «В магазинах стоят очереди в ожидании любого продукта. Люди могут болтаться там целыми днями. В газетах всё чаще пишут о задавленных в

⁵⁷ Куранты. 1991 г. 29 октября.

⁵⁸ Гудок. 1991. 1 ноября.

⁵⁹ Коммерсантъ. 1991. 4 ноября; 1991. 2 декабря.

⁶⁰ ГА РФ, ф. Р-10026, оп. 1, д. 1196, л. 54.

⁶¹ Там же, л. 54.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, оп. 5, д. 62, л. 120.

очередях. Давят стариков и детей. Люди звереют на глазах»; «Магазины пусты или полны народом. Тяжело жить без масла, мяса. Без надежд»⁶⁴.

В таких условиях 3 декабря 1991 г. Президент России Ельцин подписал указ о либерализации цен с 2 января 1992 г. Для покупателей эта новость означала необходимость ускоренного избавления от рублей. Продавцы старались придержать товары. Декабрь ознаменовался рекордным за весь период ажиотажным спросом. Прирост потребительских цен, по мнению экспертов газеты «Коммерсантъ», составил в среднем 32,4%, в том числе в коммерческой торговле — 97,6%. На 200% почти моментально подорожали сложная бытовая техника, дорогостоящая одежда и обувь, на ещё больший процент — редкая тогда компьютерная техника. Автомобили вообще исчезли из рублёвой торговли и продавались только на валюту⁶⁵.

Основной заботой региональных властей стало поддержание на сколько-нибудь работоспособном уровне нормированного отпуска товаров, от чего зависело существование большинства населения страны. Опустошение ресурсов вело к ужесточению административного регулирования. 3 декабря 1991 г. вице-мэр Москвы Ю.М. Лужков подписал постановление о вывозе товаров из столицы только с санкции городского комитета по торговле. Сотрудники ГАИ начали задерживать следовавшие из Москвы грузы⁶⁶. 9 декабря мэр Омска запретил свободную реализацию промышленных товаров в городской торговле. Магазины прекратили торговать обувью, трикотажными и швейными изделиями, бытовой техникой и табаком. Высвободившиеся в результате товары собирались перераспределить между стачкомами медиков и учителей. Мера эта, по словам помощницы омского мэра, была непопулярной, но в условиях дефицита вынужденной, и она оставалась в действии до «наступления рынка» 2 января 1992 г.⁶⁷ Этого дня со смешанными чувствами опасений и надежд ждали не только в Омске.

2 января 1992 г. и далее...

К моменту либерализации цен бо́льшая часть населения России и других республик недавно распавшегося СССР испытывала значительные трудности. Жизнь стала беднее. Рассчитанный Госкомстатом в декабре 1991 г. сводный индекс потребительских цен на товары и услуги населению в РСФСР был в 2,6 раза выше, чем в декабре 1990 г., причём на многие товары цены росли быстрее. Так, с декабря 1990 по декабрь 1991 г. килограмм говядины подорожал в 6,7 раза, свинины — в 6,3, варёной колбасы — в 4,8, животного масла — в 3,5, лука — почти в 8 раз⁶⁸. Потребление основных продуктов питания в 1991 г. заметно снизилось (см. табл. 2). По некоторым оценкам, к концу 1991 г. за чертой бедности в СССР оказалось более 60% населения⁶⁹. Однако, скорее всего, эти оценки не учитывали дополнительных доходов, прежде всего от личных подсобных хозяйств, значение которых в условиях того времени резко возросло⁷⁰.

⁶⁴ Записи от 22 и 24 ноября 1991 г. (URL: <http://prozhitto.org/notes?date=%221992-01-01%22&diaries=%5B361%5D>).

⁶⁵ Коммерсантъ. 1992. 6 января.

⁶⁶ Там же. 1991. 16 декабря.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Российский статистический ежегодник. 1994. М., 1994. С. 284, 288.

⁶⁹ Ханин Г.И. Экономическая история России... С. 276—277.

⁷⁰ Российский статистический ежегодник. 1994. С. 97.

На фоне кризиса потребления, инфляции, всеобщего дефицита и уже заметного роста цен планы их окончательной либерализации не выглядели столь устрашающими. Проведённый 18—25 ноября 1991 г. опрос показал, что после октябрьского заявления Ельцина об освобождении цен 38% респондентов выразили положительное отношение к предстоящей реформе, а 23% — скорее положительное. «К росту цен привыкли», — констатировали социологи⁷¹. Конечно, эта поддержка отражала не только осознание необходимости реформы, но и иллюзии населения о возможности сравнительно умеренного повышения цен. Кроме того, правительство обещало некоторые амортизационные меры. Наряду с освобождением от контроля большей части цен реформа предусматривала предельные размеры повышения цен и тарифов на некоторые группы товаров и услуг.

В действительности надежды на быстрое достижение рыночного равновесия оправдались лишь частично. Рост цен оказался гораздо более значительным и затажным, чем ожидалось. В декабре 1992 г. сводный индекс потребительских цен на товары и услуги населению был в 26,1 раза выше, чем в декабре 1991 г., а денежные доходы населения в 1992 г. выросли всего в 8,5 раз. Больше всего в 1992 г. увеличились цены на сахар (в 55 раз), молоко и молочные продукты (в 49), хлеб (в 44), животное масло (в 43 раза). Цены на непродовольственные товары в среднем росли быстрее, чем на продовольствие (соответственно в 27 и 16 раз). Лидерами по росту стали табачные изделия (в 37 раз), электротовары (в 35), моющие средства (в 32 раза)⁷². Опережающий рост цен по сравнению с увеличением доходов был причиной сокращения потребления (см. табл. 2). За счёт этого менее острой оказалась проблема дефицита. Однако уменьшение потребления не могло компенсировать сокращение товарных фондов из-за падения производства и валютного кризиса. Перебои в торговле сохранялись, несмотря на огромный рост цен⁷³.

Радикальная либерализация цен, особенно по столь неблагоприятному сценарию, была рискованным с политической точки зрения предприятием. В последние дни 1991 г. в ходе проведённого ВЦИОМ уличного опроса москвичам задали вопрос: «Готовы ли вы принять участие в демонстрациях и митингах протеста против повышения цен и падения уровня жизни?». Положительно на него ответили 31%, отрицательно — 59%⁷⁴. Хотя подобные опросы подтверждали относительную поддержку нового экономического курса, они свидетельствовали также о значительном протестном потенциале в обществе.

Однако в целом переход на новые цены произошёл гораздо спокойнее, чем можно было ожидать. Конечно, люди протестовали, писали гневные обращения в адрес высших органов власти, собирались на митинги и пикеты. Активизировалась политическая оппозиция, которая пыталась использовать массовое недовольство в своих интересах⁷⁵. Росло забастовочное движение. По данным

⁷¹ ГА РФ, ф. Р-10026, оп. 4, д. 3067, л. 58. Опрос проводился подкомитетом по изучению общественного мнения совместно с Институтом экономических стратегий в Москве, Уфе, Нальчике, Череповце, Миассе, Перми и Новгородской обл.

⁷² Российский статистический ежегодник. 1994. С. 84, 284, 290.

⁷³ Нехватка и ажиотажный спрос касались, прежде всего сравнительно дешёвых продуктов, сахара, моющих средств (ГА РФ, ф. Р-10200, оп. 4, д. 1609, л. 63, 68, 117).

⁷⁴ Куранты (Москва). 1992. 11 января.

⁷⁵ Информация о протестной активности и действиях оппозиции в то время регулярно публиковалась в газетах. Также см.: *Пихоя Р.Г., Журавлёв С.В., Соколов А.К.* История современной России... С. 60—61.

Госкомстата, численность работников, вовлечённых в забастовки, возросла с 237,7 (1991) до 357,6 тыс. (1992) человек⁷⁶. Как уже отмечалось в литературе, эти данные не были полными⁷⁷. Например, по сведениям МВД России, в забастовочном движении только за девять месяцев 1992 г. участвовали 407,5 тыс. человек. Вместе с тем МВД отмечало, что пик забастовок пришёлся на апрель и май того года, а с июня наблюдалась тенденция к снижению⁷⁸. В целом властям удалось справиться с социальным недовольством, хотя это и потребовало некоторых уступок и манёвров. Население страны в основном приняло новые реальности, хотя и относилось к ним резко критически. Своеобразную формулу такой модели поведения вывел полномочный представитель оперативной группы Верховного Совета РФ по Ростовской обл. В докладе, отправленном в Москву 10 февраля 1992 г., он писал: «Общая обстановка среди населения Ростовской области достаточно спокойная, хотя в личных разговорах и в производственных коллективах имеют место острые разговоры о значительном росте цен, о снижении жизненного уровня»⁷⁹. Такая широко распространённая позиция определялась комплексом взаимосвязанных факторов, среди которых трудно выделить приоритетные и второстепенные.

Несомненно, свою роль сыграл отрицательный опыт государственного регулирования цен в предшествовавшие годы. Постоянный дефицит товаров и огромные очереди серьёзно дискредитировали идеи распределения и усилили надежды на рыночное регулирование. Немаловажными факторами стали отсутствие популярных лидеров, стоявших за лозунгами возвращения к социализму и, наоборот, существенная поддержка (искренняя или вынужденная) президента Ельцина, связавшего свою политическую судьбу с движением к капитализму. «Все мои гости считают, что нужно *поддерживать Ельцина* (выделено в тексте. — О.Х.). Ну, разве только потому, что заменить некем», — записала в дневнике 25 января 1992 г. пенсионерка из Москвы, крайне негативно настроенная в отношении новых властей⁸⁰.

У политики рыночных реформ были убеждённые сторонники, даже если сами они страдали от роста цен и жизненных тягот. Позицию этой группы населения выразил в дневнике другой пенсионер-москвич, горячий сторонник перемен: «Я готов жить на хлебе и воде хоть три года. Начавшийся процесс освобождения того стоит»; «Народ ворчит, но бунтовать не собирается. И чего добьёшься бунтом? Разобьём десятка два витрин — продукты от этого не появятся. Будем терпеть. До настоящего голода ещё далеко. Прожить впроголодь можно даже на пенсию... А там, глядишь, рыночек обычный, крестьянский по-немногу и образуется. Производитель вступит в прямой контакт с покупателем (в достаточно широком масштабе)»⁸¹.

Фактор относительного заполнения прилавков и преодоления очередей тоже сыграл определённую роль. Побывавший 2 января 1992 г. в Новоарбатском гастрономе в Москве корреспондент «Российской газеты», утверждал: «Покупатели хорошо разбирали сахар по 8 руб. 40 коп. — по их словам, они

⁷⁶ Социальное положение и уровень жизни населения СССР. С. 375.

⁷⁷ Козина И.М. Рабочее движение в России: анатомия забастовки // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 7(4). С. 487.

⁷⁸ ГА РФ, ф. Р-10026, оп. 5, д. 511, л. 77.

⁷⁹ Там же, оп. 1, д. 753, л. 120.

⁸⁰ URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221992-01-01%22&diaries=%5B1439%5D>.

⁸¹ Записи от 18 сентября 1990 г. и 10 января 1992 г. см.: Там же.

так изголодались по нему, что не обращают внимания на цены»⁸². «Не сбывается мрачный прогноз экономистов-пессимистов о том, что, несмотря на рост цен, продукты в магазинах не появятся. Появились! В нашем рядовом, окраинном магазине имеются *постоянно* (выделено в тексте. — О.Х.): мясо, колбаса, пельмени, яйца, сыр (хотя и скверный), сметана и даже сардины — по десятке за баночку... а ведь всего два месяца назад в этом же магазине я выстаивал в очереди всю ночь, с вечера (списки, переключки и проч.) в надежде, что с утра “выбросят” немного мяса... по 2 рубля за килограмм», — записал москвич в дневнике 3 февраля 1992 г.⁸³

Тяготы перехода к рынку в разной степени легли на плечи различных слоёв населения. Особенно сильно пострадали пенсионеры и работники бюджетной сферы. Однако определённая часть граждан получила в результате реформ экономические преимущества. Исследования ВЦИОМ показали, что в конце 1992 г. 13% опрошенных считали, что их материальное положение улучшилось, а 18% — не изменилось. Особенно уверенно чувствовали себя занятые в негосударственном секторе экономики («владельцы собственного дела») ⁸⁴. Бенефициаром новых порядков был сравнительно небольшой, пёстрый по составу и активный слой населения. В нём смешивались делившие государственную собственность чиновники, предприниматели, опекавшие их милиционеры и бандиты, высококвалифицированные специалисты, люди творческих профессий, получившие возможность заработков за границей, и т.д. Отражением растущего спроса обеспеченных граждан были рост сети магазинов западных фирм и распространение торговли за валюту, прежде всего в крупных городах⁸⁵.

Определённую роль для большинства населения, оказавшегося в крайне тяжёлом положении, играли различные амортизаторы. Более низкими темпами, чем цены, но всё же росли зарплаты, пенсии и пособия. Выживание значительной части населения обеспечивалось потреблением продуктов по регулируемым ценам. Некоторое время продолжало действовать распределение по карточкам и талонам. Во многих районах местные власти поддерживали низкие цены на основные продукты питания⁸⁶.

В Петербурге талоны на крупу, растительное масло, водку и табачные изделия сохранялись и после либерализации цен⁸⁷. В Саратове 13 января 1992 г. открылся 21 пункт ежедневных бесплатных обедов⁸⁸. В Смоленской обл. в январе 1992 г. работали 134 магазина и 64 секции по продаже промышленных товаров, 289 магазинов и 102 секции по продаже продовольственных товаров для малоимущих⁸⁹. С 3 января в Татарстане организовали торговлю по купонам мясных и молочных продуктов, яиц, сахара, растительного масла, овощей, круп, по более низким, чем в других регионах, ценам⁹⁰. В московских магазинах в феврале 1992 г. отоваривали талоны на сахар 1991 г.⁹¹ 16 февраля москвичка записала

⁸² Российская газета. 1992. 3 января.

⁸³ URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221992-01-01%22&diaries=%5B539%5D>.

⁸⁴ Мониторинг общественного мнения. 1993. № 1. С. 36.

⁸⁵ Отражением этого процесса могут служить регулярные публикации рекламы элитных (часто валютных) магазинов и услуг в газете «Коммерсантъ».

⁸⁶ Berkovitz D. On the persistence of rationing following liberalization: A theory for economies in transition // European Economic Review. 1996. № 40(6). P. 1259—1279.

⁸⁷ Санкт-Петербургские ведомости. 1992. 30 января.

⁸⁸ Саратовские вести. 1992. 11 января.

⁸⁹ Смоленские новости. 1992. 30 января.

⁹⁰ Советская Россия. 1992. 4 января.

⁹¹ Вечерний клуб. 1992. 6 февраля.

в дневнике: «На старые талоны я купила 7,5 кг песка по 8,40. Купила за одну секунду, так как давали по талонам за 1991 год, а они у людей уже разошлись. Маленькая радость»⁹². Разного вида нормирование по более низким ценам сохранялось и в дальнейшем.

На начальном этапе роста цен особое значение для населения имели продовольственные и промтоварные запасы, сделанные в предыдущие годы ажиотажных закупок, и вложения сбережений в товары. Проведённое в декабре 1991 г. в четырёх российских городах (Москва, Волгоград, Киров и Лальск, Кировская обл.) социологическое исследование показало, что в среднем только менее трети опрошенных не имели запасов продовольствия. Наиболее высоким этот показатель был в Кирове — 34% и наименьшим в Лальске — 17%. Запасов не имели 29% москвичей и 30% волгоградцев. Самыми значительными стали резервы картофеля, круп, макарон, варенья, растительного масла, грибов, консервов, чая, сахара. Многие успели купить одежду, обувь, некоторые — бытовую технику⁹³.

Все эти факторы смягчили шок от освобождения цен. Несмотря на резкое ухудшение благосостояния значительной части населения, социологические исследования фиксировали тенденции свыкания с новыми реалиями. Судя по опросам, старые методы регулирования снабжения (сдерживание цен, карточная система) окончательно дискредитировали себя, хотя и новые ценности не пользовались поддержкой большинства⁹⁴. По данным ВЦИОМ, на вопрос, что делать, если товары исчезают из магазинов и нет возможности быстро увеличить их производство, организовать продажу таких товаров по карточкам в 1990 г. предлагали 59,8% опрошенных, в 1991 г. — 56,8, в 1992 г. — 43,6%. За свободные цены высказались соответственно 16,3, 15,5 и 23,4%⁹⁵.

Опрос, проведённый в конце 1992 г. Институтом социально-экономических проблем в Санкт-Петербурге, тоже показал сложное переплетение надежд на рынок и административное регулирование. 32,0% респондентов высказались за распределение всех товаров по карточкам, 39,4 — за распределение по карточкам только товаров первой необходимости и продажу остальных по свободным ценам, 17,8 одобрили свободные цены, 10,8% затруднились ответить⁹⁶. По сравнению с декабрём 1990 г. ситуация изменилась — тогда 67% опрошенных в РСФСР предлагали организовать продажу товаров, пропадавших с прилавков, по карточкам и лишь 10% — повысить на такие товары цены⁹⁷.

В течение нескольких лет до либерализации цен в январе 1992 г. советское население испытало на себе различные сценарии преодоления кризиса снабжения. С одной стороны, это были консервативные попытки государства административными мерами стимулировать выпуск продуктов питания и промышленных товаров, заставить торговлю работать бесперебойно и гибко. Важной частью этой политики стали кампании борьбы со спекуляцией и попытки перекрытия каналов перекачивания дешёвых ресурсов из государственных фондов на «чёрный» рынок. С другой стороны, проводились ограниченные

⁹² URL: <http://prozhito.org/notes?date=%221992-01-01%22&diaries=%5B361%5D>.

⁹³ ГА РФ, ф. Р-10026, оп. 1, д. 837, л. 18, 19. Опрос проводился Институтом экономических стратегий совместно с подкомитетом по изучению общественного мнения Верховного Совета РФ. Частично результаты опроса были опубликованы (Независимая газета. 1992. 4 января).

⁹⁴ Мониторинг общественного мнения. 1993. № 1. С. 20.

⁹⁵ Там же. С. 22.

⁹⁶ Аргументы и факты. 1992. 7 ноября.

⁹⁷ Космарский В.Л., Хахулина Л.А., Шпилько С.П. Общественное мнение... С. 18.

реформы рыночного характера в рамках плановой системы: регулируемое повышение оптовых и розничных цен, развитие кооперативного движения и частичное ослабление контроля в государственной промышленности.

В итоге ни один из этих сценариев результатов не дал. Ситуация на потребительском рынке стремительно ухудшалась. Кризис снабжения (чем дальше, тем больше) превращался в важный фактор распада СССР и перехода к рыночной экономике. Падение уровня жизни способствовало распространению ностальгической идеализации жёсткой плановой экономики и критики реформ. Однако такие устремления не имели достаточного потенциала для реализации. В тех условиях более заметными становились настроения в пользу свободного рынка и недоверия к административно-распределительным методам. Усталость от кризиса и отсутствие ясных перспектив усиливали надежды на быструю отдачу от радикального перехода к принципиально новой рыночной системе по западному образцу. Это был пугающий, но ещё не испытанный путь. В этом для многих заключалось его преимущество.

Оказав парализующее воздействие на значительную часть населения страны, изматывающий кризис снабжения способствовал также быстрому формированию слоя бенефициаров, заинтересованных в легализации «теневой» экономической активности. Не видело иных путей выхода из кризиса и новое политическое руководство России, сделавшее ставку на капитализм.

Шоковая либерализация цен, воспринятая большинством населения как вынужденная неизбежность, оказалась куда более болезненной, чем можно было представить. Она вызвала протесты и массовое недовольство. Однако даже в условиях ослабления государства они не приняли тех форм и масштабов, которые могли бы привести к коренной смене курса. Это было вызвано различными причинами. Среди них можно назвать всеобщую эмоционально-политическую поддержку новых российских властей; амортизационный эффект регулирования цен на основные продукты питания и услуги, а также запасов, сделанных в период ажиотажных закупок до 1992 г.; переключение внимания социально активной части граждан на экономическую сферу деятельности и т.д. Вместе с тем относительная готовность населения страны принять новые реальности стимулировалась негативным опытом предшествовавшего кризиса потребления, дискредитацией реформ в рамках социалистической системы, усталостью от неопределённости и нестабильности.